

— Папа, я понимаю, — кивнул Лэй Хунфэй. — Цзыхань для меня действительно важен, особенно сейчас. А Юй Цин... она, конечно, хорошая женщина, красивая, современная, талантливая, но она мне не подходит. Она слишком резка в суждениях, и это проявляется всегда, невзирая на обстоятельства и собеседника. В прошлый раз, когда я у неё ужинал, по телевизору шёл репортаж о нашей операции. Мы потеряли столько людей, а она с пренебрежением заявила, что применение силы было излишним, и вообще заговорила о свободе вероисповедания. Когда показывали государственные похороны погибших, она с презрением сказала, что это промывание мозгов и оболванивание народа, что мы, солдаты, дураки, готовые зря умирать за других. — Он говорил всё возбуждённее. — Папа, я обычно на слова женщин не обращаю внимания, но в тот раз не выдержал — швырнул палочки, тарелку разбил. Она тоже вскочила, по столу хлопнула, велела убираться, назвала меня тупым самодовольным идиотом. Мы уже давно живём как чужие. И ещё она бесится, когда я внезапно исчезаю. У меня задания, военная тайна, я не могу ей рассказывать, а она не понимает. Папа, скажи, как нам дальше быть? Конечно, я её не виню — она может жить нормально, найти парня получше меня, зачем ей терпеть человека, который вечно пропадает без объяснений?

Лэй Чжэнь сразу всё понял:

— Что ж, Сюй Цин — девушка неплохая. Сейчас таких молодых, что всё критикуют, немало, бунтарство в моде, а она в этой моде впереди планеты всей, это можно понять. Но если она не способна принять твою работу такой, какая она есть, и... — то есть, полностью принять и... — тебя целиком, то вместе вам действительно не жить.

— Папа, я знал, что ты поймёшь, — Лэй Хунфэй обрадовался. — Цзыхань совсем другой. Он всегда понимает, что я делаю, он разбирается в жизни, характер у него хороший. Эти два года... я был без него, а он всё равно относился ко мне как к другу, никогда не показывал, что обижен. Раньше... я думал, жизнь длинная, можно попробовать что-то ещё, а если не подойдёт — всегда можно вернуться. Но... я тогда сильно ошибся. — Его глаза вдруг наполнились слезами, и он опустил голову.

Лэй Чжэнь смотрел на него. Лэй Хунфэй надел военную форму в восемнадцать, и с тех пор прошло одиннадцать лет. Из порывистого юнца он превратился в умелого, зрелого офицера, и Лин Цзыхань сыграл в этом превращении немалую роль. Как отец, он это понимал. Когда Цзян Юйлань яростно выступала против их отношений, у неё были веские причины, и он не возражал. Теперь же, глядя на сына, он понял: тот принял решение и будет стоять на своём. Поэтому последние дни он сам тщательно обдумывал эту ситуацию.

В той операции Лин Цзыхань совершил невероятный подвиг. Хотя общественность об этом не знала, несколько высших руководителей страны были в курсе, и даже председатель не раз упоминал его, явно уделяя особое внимание. Если Лин Цзыхань поправится и восстановится, будущее у него блестящее. В таком случае их отношения, даже брак, станут для карьеры Лэй Хунфэя мощной поддержкой.

Кроме того, Лин И тоже стремительно шёл вверх по политической лестнице. Хотя к разведчикам всегда относились с опаской, но если в России мог быть президент из КГБ, почему в Китае не может быть лидера с подобным прошлым?

Подумав так, он улыбнулся Лэй Хунфэю:

— Ладно, твои отношения с Цзыханем я поддерживаю. С мамой я поговорю. Но с Юй Цин разберись аккуратно, без скандалов, чтобы на твою репутацию тень не упала.

— Хорошо, обязательно, — Лэй Хунфэй чуть не подпрыгнул от радости. — Папа, спасибо, огромное спасибо.

Лэй Чжэнь покачал головой:

— Глупый мальчишка.

Лэй Хунфэй засмеялся, прыгнул в машину и умчался.

Всю дорогу он не мог сдержать ликования. Добравшись до больницы, выскочил из машины, взбежал по лестнице и ворвался в палату Лин Цзыханя.

Лин Цзыхань по-прежнему лежал с закрытыми глазами, не подавая признаков жизни.

Лэй Хунфэй больше не мог терпеть. Он наклонился, осторожно обнял его и страстно прошептал в ухо:

— Цзыхань, Цзыхань, проснись, пожалуйста. Я многое натворил, прости меня. Бей, ругай — только не спи так долго, хорошо? Цзыхань, я хочу быть с тобой, хочу заботиться о тебе всю жизнь, хорошо? Скажи, что хорошо?

Тело Лин Цзыханя было очень худым, почти костлявым, и на руках оно казалось невесомым, как перо. Несмотря на одеяло, оно было холодным, и даже через больничную одежду пробивался лёгкий озноб. Лэй Хунфэйю стало до боли жаль. Он осторожно прижался к нему, надеясь согреть своим теплом.

Он держал его так долго, но не чувствовал усталости. Прошло два года с тех пор, как он в последний раз обнимал его, и теперь он готов был не отпускать вечно.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Лин Цзыхань, находившийся в полусознательном состоянии, смог собрать силы и открыть глаза.

В комнате было тихо. Он уставился в потолок, словно не замечая человека, который склонился над ним и держал его в объятиях.

В дверях появился Вэй Тяньюй. Увидев, как Лэй Хунфэй крепко обнимает Лин Цзыханя, он встревожился. Тун Юэ не раз наказывал им не трогать его без нужды. Они всей душой хотели, но не смели. А теперь Лэй Хунфэй так опрометчиво действует. Не навредит ли это лечению?

Он не посмел окликнуть Лэй Хунфэя, боясь потревожить Лин Цзыханя, и быстро подошёл, чтобы отстранить его. Но, приблизившись к кровати, увидел, что Лин Цзыхань широко открыл глаза, но не проявляет сопротивления. Он замер, осторожно протянул руку и прикоснулся ко лбу Лин Цзыханя.

Лин Цзыхань моргнул, но не отстранился.

Вэй Тяньюй наклонился и тихо позвал:

— Цзыхань.

Лэй Хунфэй наконец заметил его и, неохотно отпустив Лин Цзыханя, выпрямился.

Лин Цзыхань почувствовал, что ужасная головная боль, раскалывавшая раньше череп, ослабла. Всё тело по-прежнему ныло, но он, казалось, уже привык, и боль была не такой

невыносимой. Он медленно повернул голову и посмотрел на Вэй Тяньюя. В его глазах читались вопросы и неуверенность, словно он хотел узнать многое, но не знал, с чего начать.

Вэй Тяньюй сел на край кровати, нежно взял его руку и тихо сказал:

— Операция прошла успешно. Лэй Хунфэй поймал Хайнца, а Ю И с командой захватили Антино. Цзыхань... прости, «Дьявольский коготь» уничтожен, но мне не удалось убить Антино...

Сердце Лин Цзыханя сжалось. На лице появилась крайняя усталость, и он медленно отвел взгляд.

Лэй Хунфэй сразу понял и тут же сказал:

— Цзыхань, его винить нельзя. Он был тяжело ранен, защищая тебя, и ничего не мог сделать. Я не знал, иначе бы сделал всё, чтобы прикончить этого типа.

Лин Цзыхань снова медленно посмотрел на Вэй Тяньюя. Во взгляде читался вопрос.

Вэй Тяньюй тут же улыбнулся:

— Мои раны почти зажили, только нога ещё немного не слушается, но это пустяки. Не волнуйся.

Лин Цзыхань, казалось, успокоился, но, почувствовав усталость, закрыл глаза.

Вэй Тяньюй вдруг наклонился к его уху и едва слышно прошептал:

— Цзыхань, я обещаю тебе: если появятся доказательства, что природа «Дьявольского когтя» и направление исследований Антино не изменились, я сделаю всё, чтобы убить этого безумца.

У Лин Цзыханя не было сил на сложные размышления. Он лишь слегка сжал руку Вэй Тяньюя, показывая, что понял.

Вэй Тяньюй был невероятно счастлив. За последние месяцы это была первая активная реакция Лин Цзыханя на внешний мир. По словам Тун Юэ, это, должно быть, огромный прогресс.

<http://bllate.org/book/16287/1468768>